

Этнология, антропология и этнография

УДК 398(=512.141)+39(571)

DOI 10.37386/2413-4481-2024-3-109-113

Александр Павлович Ярков

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, ayarkov@rambler.ru

Тимур Маратович Аюпов

Алтайский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Барнаул, Россия, aiuptegin@mail.ru

МЕСТО БАШКИР В УММЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. Данная статья посвящена истории развития мусульманской общины – уммы Сибири и Дальнего Востока, а также участию в этом процессе разных социальных групп башкирского народа. В ней освещаются тесные этнополитические связи восточных башкирских племен с сибирскими татарами. После усмирения башкирских восстаний XVII–XVIII вв. Уфа стала одним из главных исламских центров России, в чем авторы усматривают важную причину укрепления в Сибири позиций выходцев из Башкирии. При этом местный вариант ислама сильнее взаимодействовал с языческими верованиями, что требовало от их миссионеров большей гибкости.

Ключевые слова: башкиры; умма; Сибирь; Дальний Восток; миссионерская деятельность; ссыльные переселенцы; нефтегазовые первопроходцы.

Alexander P. Yarkov

Tyumen State University, Tyumen, Russia, ayarkov@rambler.ru

Timur M. Ayupov

Altai State Medical University, Barnaul, Russia, aiuptegin@mail.ru

BASHKIRS AND THEIR POSITION IN THE UMMAH OF SIBERIA AND THE FAR EAST

Abstract. The paper examines the history of the establishment and development of the Muslim community – the Ummah of Siberia and the Far East – as well as the participation of various social groups of the Bashkir people in this process. The paper highlights the close ethnopolitical ties of the eastern Bashkir tribes with the Siberian Tatars. After the pacification of the Bashkir uprisings of the XVII–XVIII centuries. Ufa has become one of Russia's main Islamic centers, which the authors see as an important reason for strengthening the positions of Bashkirians in Siberia. Moreover, the local version of Islam interacted more strongly with pagan beliefs, which required their missionaries to be more flexible.

Keywords: Bashkirs; Ummah; Siberia; Far East; missionary activity; exiled immigrants; oil and gas pioneers.

Ислам на территории Сибири имеет глубокую историческую традицию. Однако ее носителями в регионе долгое время были в основном татары и башкиры. В последние же годы усилилась не только внутрисоссийская, но и международная миграция. Многие мигрантские сообщества исповедуют ислам, что оказывает значительное влияние на происходящие в регионе этноконфессиональные процессы. При этом главным дестабилизирующим фактором является рост экстремизма и его сторонников, искажающих отдельные положения ислама и проповедующих крайнюю нетерпимость к иноверцам. Таким образом, актуальность темы определяется не только потребностью в изучении самого исторического прошлого, но и нахождении в нем примеров толерантности и уважения к представителям других культур. В этом плане башкиры (самоназвание – башкорт, башкурт; устаревшее – башкирцы), в отличие от тех же татар или бухарцев-узбеков, были более толерантными в своей миссионерской деятельности.

На сегодняшний день башкирам в целом посвящен солидный массив научных трудов. Г. Ф. Миллер и Е. Ф. Зябловский в своих работах дают самые ранние сведения о башкирах Сибири. По их данным, например, одна из границ башкирских кочевий проходила в верховьях р. Оби [1, с. 107], а башкирцы, живущие вместе с сибирскими татарами по верхним частям Енисея, содержали весьма знатные табуны лошадей [2]. На многочисленные явления торговых связей башкир с тюменскими татарами во времена Сибирского ханства и после прихода в Сибирь русских указывал М. П. Алексеев [3]. Вхождение башкирского этнического компонента в состав некоторых групп сибирских татар зафиксировал Б. О. Долгих [4]. Имеются исследования схожих фонологических систем в башкирском языке и языках коренных народов Сибири с применением современных инструментальных методов [5].

Впервые фольклорный материал среди башкир Якутии собрал ученый-филолог М. Сагитов

[6]. Первым историком, специально обратившимся к изучению роли М.-Г. Курбангалиева в Гражданской войне в Сибири, была А. Б. Юнусова [7]. Книга педагога и журналиста И. Б. Гарифуллина, рассмотревшего историю участия башкир в освоении нефтегазовых ресурсов Тюменского региона, позволяет оценить их потенциал в жизни современной уммы [8].

Заметными событиями в плане разработки историографии проблемы стал выход в свет 3-томного труда «Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири» и энциклопедического словаря «Ислам в Сибири и на Дальнем Востоке» [9; 10].

Территорию Южной Сибири и Предгорья Алтая многие исследователи считают прародиной древних тюрков, от которых берут начало и башкиры. Известна даже версия, трактующая этноним «башкорт» в значении «люди с реки Башкаус», что протекает в Горном Алтае [11, с. 163]. Старинные предания сообщают о приходе со стороны Алтая как всего народа под предводительством Коркута, так и предков отдельных башкирских родов. Так, в легенде о происхождении рода кубалаяк-теляу говорится, что два брата Кубалаяк и Теляу «покинули свой родной Алтай, когда умерли их родители» [12, с. 125]. По данным антропологии, современные башкиры сочетают в себе элементы европеоидной и монголоидной рас, где нарастание признаков последней наблюдается у групп, живущих в Зауралье, относящихся к варианту южносибирского расового типа.

Урал и Сибирь и в более поздние времена оставались «родовой» территорией, по которой башкиры кочевали, иногда переходя ее за один сезон по несколько раз. Они сыграли определенную роль в этнической истории родственных им сибирских татар, особенно в формировании тобольской и барабинской групп. Существует версия о родстве башкир-айлинцев и родовой группы аялу у сибирских татар. Исследователь Ф. Т. Валеев считал, что наименование Бегитинских юрт Тобольского уезда также связано с пребыванием в тех местах башкирского племени бикагин, не ушедшего вместе с ханом Кучумом [13]. На территории Тюменского уезда башкиры компактно проживали в пределах Бачкырской волости, расположенной между Пышмой и Исетью. Их здесь называли «уфимскими пришельцами» [14, с. 31]. В Тюменском уезде также существовала Терсяцкая волость, населенная терсяками, которых иногда рассматривают как предков башкир Терсяцкого аймака.

Несмотря на добровольное вхождение большей части Башкирии в состав Российского государства в 1557 г., ее северо-восток оставался подвластным Сибирскому ханству. В то же время московское правительство уже считало эту территорию «своей», а ее население – подданными. По свидетельству русских источников: «А на Уфе на Белой Воложке государь велел город поставити, что беглой из Сибири Кучюм царь, пришед в государеву отчину в Казанский уезд в башкирцы, учел кочевати и ясак со государевых людей з башкирцев, почел был имати» [15, с. 20]. Башкиры вместе с уграми и татарами входили в состав Пелымского княжества, вассального Сибирскому ханству. В Строгановской летописи упомянуто, что в составе войска пелымского мурзы, участвовавшего в походе 1580 г. на пермские земли, имелись башкиры.

После гибели Кучума башкирские племена сынрян и табын, оказавшиеся в орбите политического влияния и власти сибирских татар, были главной опорой его сыновей и внуков в степях к западу от Тобола. Практически всю первую половину XVII в. кучумовичи воевали за восстановление своего полиэтнического государства. Во время Башкирского восстания 1662–1664 гг. внук Кучума Давлет-Гирей пытался собрать вокруг себя всех недовольных и совместно выступить против колониальной политики Москвы.

Отношения иногда осложнялись даже между единоверцами, не говоря уже о проблемах для царской администрации. Так, в «Деле о спорных землях башкир на сибирской стороне Урала», датированном ноябрем 1695 – маем 1696 г., говорилось, что «с братьями и детьми, призывая беглых татар и мордву, и черемису, и чуваш близ тех слобод на городские сибирские земли селят и всякое утеснение чинят» [9, с. 252].

В XVIII в. атмосфера внутри страны продолжала оставаться не самой дружелюбной: запрещалось строительство мечетей на расстоянии менее полутора верст от православных церквей, а в 1736 и 1744 гг. это коснулось и башкирских территорий в Сибири, хотя там из «новокрещеных никто жительства не имел» [16]. В 1745 г. власти ограничили тобольского архиерея Сильвестра в намерении христианизировать башкир. Основной причиной, по-видимому, была налоговая политика – с христиан не брали ясак, в том числе пушниной, являвшейся важной статьей экспорта.

Выход из двухвекового конфликта на юго-восточной окраине государства, связанного с чередой башкирских восстаний, правительство нашло

во введении в 1798 г. на Южном Урале кантонной системы управления и учреждении Башкиро-мещерякского войска.

В период кантонного управления основной повинностью коренного населения Башкирии являлась охрана Оренбургской пограничной линии, которая проходила от Каспийского моря до реки Тобол. Кроме того, башкиры-гайнинцы Осинского и Пермского уездов Пермской губернии начиная с 1745 г. отправлялись также на Сибирскую пограничную линию: по 500 человек сроком на один год, с 1769 г. – до 2 лет [17, с. 101]. К примеру, в 1769 и 1773 гг. во главе башкирской команды на Сибирской линии служил Ишмухамет Сулейманов – один из предков известного ученого-этнографа А. Диваева.

В 1800 г. линейная служба башкир в Сибири была заменена этапной службой (конвоированием ссыльных и колодников) по Сибирскому тракту, которая продолжалась до 40-х годов XIX в. [18, с. 320]. При этом в Сибирь и на Дальний Восток нередко ссылались их же соплеменники из числа участников башкирских восстаний, пугачевского бунта и других народных выступлений, а также осужденных за уголовные преступления. Так, еще с XVII в. судьбы многих башкир оказались тесно связаны с суровой землей Якутии и родственной культурой народа саха. Так, в ссылке в г. Якутске с 1874 г. проживал Х.-К. Еникеев (Яникеев), который в течение 20 лет исполнял обязанности муллы. В 1878 г. в Якутской области их общее число достигло 1 333 человек (мужчин – 845, женщин – 488) [6]. Основная масса ссыльных башкир проживала в Олекминском, Якутском и Вилюйском округах.

Однако этнические процессы даже в Новое время не вышли на «фазу стабильности»: наименование «башкиры» иногда являлось сословным признаком, поскольку с целью самосохранения и получения льгот иные татары, чувашаи, удмурты, марийцы и другие стремились записаться служилыми башкирами. Башкирская знать – тарханы и бии – «за службу в походах» не зачислялись в «служилые люди», а занимали промежуточное, полупривилегированное положение между ними и ясашными, т. е. не получали за службу определенного «корма», но и не платили ясака [19]. Возможно, что и «башкирские торговые люди» – не этнический маркер, а определенная часть купцов, близких по ментальностиномадам Сибири и степного приграничья.

Башкиры не претендовали в Сибири и на Дальнем Востоке на статус «главного мусульманского

этноса». Их положение в здешней умме (араб. *أمة* – община, нация) укрепилось, во-первых, за счет авторитета Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ), центром которого с 1789 г. определена г. Уфа, более «либерального» по отношению к местным религиозным практикам. Во-вторых, полагаем, влияла и высокая степень толерантности самих башкир, их экстравертированное отношение к миру, обусловленное особенностями кочевого менталитета. По мнению краеведа С. Г. Рыбакова, «...они верные сыны ислама. Однако им чужд религиозный фанатизм, присущий татарам. Башкиры менее обнаруживают боязнь за свою религию, чем татары, спокойно рассуждают о своей и русской вере, не обнаруживая ни малейшей склонности возвеличивать свою, считая все веры равными. Они спокойно встретили распоряжение русских властей об обязательности знания русского языка муллами, без опасения за веру отдают своих детей в русские начальные школы» [20, с. 16].

В конце XIX – начале XX в. в России развернулось движение за демократизацию мусульманского образования в связи с тем, что оно не отвечало современным тенденциям и носило в основном схоластический характер. На этой волне в Сибири также развивается мусульманское просветительское движение.

Башкирами были преподававший в медресе г. Тара Мухаммаджан-ахун и мулла из Тарского уезда Нур Аллах бен Абд Аллах Батиркаев [21, р. 60]. Известный во всем исламском мире Абдрашид Ибрагимов тоже родился в г. Тара в 1857 г. в семье разорившегося мелкого торговца из сибирских бухарцев, хорошо владевшего русским, арабским и фарси. А вот его мать – башкирка Гафифа, в течение 40 лет обучала основам ислама девочек.

В г. Барнауле в январе 1913 г. было разрешено открыть 3 частных магометанских начальных училища (2 – для мальчиков, 1 – для девочек) с четырехлетним курсом обучения. Учителем в одном из них работал уроженец Уфимской губернии Мухамет-Шакир Хайруллин [22, л. 44–45]. Его дочь – Галия Имашева, рожденная в г. Каменная-Оби, стала впоследствии основоположницей башкирской сценографии, народным художником РСФСР. Всего в Томской губернии, по данным переписи 1897 г., жило 77 башкир, из них 12 – в Барнаульском округе [23, с. 74].

В частях генерала В. О. Каппеля и атамана Г. М. Семёнова, ставшего с декабря 1919 г. главным командующим всеми белогвардейскими войска-

ми Восточной Сибири и Дальнего Востока, служило больше 2 тыс. башкир, прошедших долгий путь от Урала до Забайкалья, а оттуда эмигрировавших в Китай и Японию. Один из их лидеров – имам М.-Г. Курбангалиев в г. Чите в июне 1920 г. был избран Председателем Военно-национального управления башкир Российской Восточной окраины, а после эмиграции – в 1925 г., переехал в Токио, где возглавил тюрко-мусульманскую общину [7, с. 88–90].

Для части башкир, как и для сибирских татар, характерна «плавающая этничность», что определяется изменением в представлении разных поколений. Так, жители д. Тайчи Омской области в 1897 г. были записаны «крестьянами из башкир», а по генеалогическим преданиям пришли из Поволжья и Бухары и в 1984 г. определялись уже как «башкирские татары» [24]. О плавающей этничности говорит и то, что в Ишимском районе в 1920 г. насчитывалось 2 495 «татаро-башкир», объединенных общим вероисповеданием.

Вследствие разразившегося в Урало-Поволжье голода новые крупные группы башкир, взрослых и детей (сирот и беспризорных определили в мусульманские детские дома), появились в Сибири и на Дальнем Востоке в начале 1920-х гг. Только в одной Алтайской губернии в январе 1922 г. оказалось около 400 башкирских детей [25, л. 8].

В годы политических репрессий из Башкирской АССР ссылались многие кулаки и религиозные деятели, в том числе ранее отстаивавшие идеи джадидизма. Они осваивали не только сельскохозяйственные зоны: в г. Прокопьевске, что на Кузбассе, один из микрорайонов получил название «Башпосёлок», а в других местах башкир среди жителей определяли по особенному языку и специфике в одежде.

Башкиры, благодаря развитой нефтяной промышленности у себя дома, стали наряду с русскими, украинцами и татарами одними из тех, кто внес значительный вклад в освоение нефтегазовых ресурсов Западной Сибири. Из них известны имена первопроходцев Мидхата Назифулловича Сафиуллина, Авзалетдина Гизатулловича Исянгулова, Наиля Габдрахимовича Салихова, Сабита

Фатиховича Ягафарова, Влера Хатиповича Ахиярова, Амира Усмановича Шарипова, Рашида Ямгитдиновича Кучумова и др. [8]. В составе строительных организаций, занятых на прокладке БАМа, также имелись специализированные бригады. Так, уроженцы Башкирии обустроивали поселок Верхнезейск.

По данным переписи 2021 г., в Сибири и на Дальнем Востоке, включая Тюменскую область (входящую в состав Уральского федерального округа), проживало около 50,4 тыс. башкир [26]. Самая большая их численность зафиксирована в Ханты-Мансийском АО – Югра – 29 717, Ямало-Ненецком АО – 6 111 и Красноярском крае – 2 595 человек, а наименьшая – на Чукотке (107), в Еврейской АО (78) и Тыве (46).

Почти повсеместно из-за близости культур башкиры ассоциированы с татарами в национально-культурные объединения – автономии или культурные центры. Например, Приморская татаро-башкирская общественная организация «Туган тел» («Родной язык»), Татаро-башкирский культурный центр «Изге хабар» («Благая весть») г. Хабаровска, Магаданская областная общественная организация татар и башкир «Алтын ай» («Золотой месяц») и т. д. В местах их компактного проживания действуют отдельные башкирские общественные организации, такие как Региональная общественная организация «Курултай (“Конгресс”) башкир ХМАО», Томская региональная общественная организация «Центр башкирской культуры “Ялкын” (“Пламя”)», Общественная организация Башкирский культурный центр «Якташ» («Земляк») Республики Саха (Якутия) и другие [27, с. 17–21]. Примечательно, что активисты последней из них стояли у истоков объединения всех мусульман г. Якутска, чьи усилия были направлены в том числе на строительство городской мечети.

Таким образом, значительное число переселенцев из Башкирии, как правило, компактно осевших в городах и припромысловых поселках Сибири и Дальнего Востока, в этнокультурном отношении определяют ориентацию, соответственно, на свою историческую родину и на г. Уфу как центр российского ислама.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1937. 606 с.
2. Зябловский Е. Ф. География Российской империи. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1837. 173 с.
3. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск: Ирк. обл. изд-во, 1941. 612 с.

4. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVIII в. М.: Наука, 1960. 622 с.
5. Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Уртегешев Н. С. Артикуляторные характеристики реализаций звуков типа «а» в барабинском, алтайском и башкирском языках в сопоставительном аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2019. Т. 18, № 9. С. 127–143.
6. Сәғитов М. Якутстан башкорттарына сәйәхәт = Поездка к башкирам Якутии // Ағизел. 1983. № 8–9.
7. Юнусова А. Б. «Великий имам» Дальнего Востока Мухамед-Габдулхай Курбангалиев // Вестник Евразии. 2001. № 4 (15). С. 83–116.
8. Гарифуллин И. Б. Башкиры в Тюменском нефтегазовом крае. Тюмень: Печатник, 2011. 150 с.
9. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: в 3 т. Т. 2: Сибирский ислам в Средние века и Новое время / под ред. А. П. Ярков. М., 2019. 408 с.
10. Ислам в Сибири и на Дальнем Востоке: энциклопедический словарь. Вып. XI. М.: Медина, 2023.
11. Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа: Китап, 1996. 696 с.
12. Башкирское народное творчество. Т. II. Предания и легенды: пер. с башк. Уфа: Башк. книж. изд-во, 1987. 576 с.
13. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татар. книж. изд-во, 1993. 208 с.
14. Татары Тюменской области: история и современность. Тюмень: Вектор Бук, 2011. 310 с.
15. Пекарский П. П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? Историческое разыскание академика П. П. Пекарского. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1872. 29 с.
16. Аккубеков Р. Ю. Материалы по истории башкир по архивам Тюменской области (на примере городов Тюмени и Тобольска) // Тобольск научный – 2009: мат. VI Всерос. науч.-практ. конф., посв. памяти А. А. Дунина-Горкавича. Тобольск, 2009. 283 с.
17. Башкиры / отв. ред. Р. Г. Кузеев, Е. С. Данилко. М.: Наука, 2016. 662 с.
18. Военная история башкир: энциклопедия / гл. ред. А. З. Асфандияров. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2013. 432 с.
19. Самигулов Г. Х. Уиратская волость, или Проблемы источниковедения истории тюрков Зауралья XVII–XVIII в. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: мат. Всерос. с междунар. участием конф. Курган, 2017. С. 108–110.
20. Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб.: Имп. Академия наук, 1897. 330 с.
21. Bustanov A. Abd al-Rashid Ibrahim's Biographical Dictionary on Siberian Islamic Scholars = Словарь биографий мусульманских ученых Сибири, составленный 'Абд ар-Рашидом Ибрагимовым // Kazan Islamic Review. 2015. № 1. P. 10–78.
22. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 52. Оп. 1. Д. 105.
23. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. LXXIX: Томская губерния. СПб.: Издание Центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1904. 246 с.
24. Ярков А. П. О коллизиях в судьбах татар и башкир на юго-западе Сибири в контексте трансформации российской государственности // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: мат. Всерос. науч. конф. «VI Емельяновские чтения». Курган, 2012. С. 99–101.
25. ГААК. Ф. П-2. Оп. 3. Д. 373.
26. Национальный состав населения. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 12.05.2024).
27. Информация о башкирских общественных организациях в регионах Российской Федерации и в странах зарубежья // Башкиры Российской Федерации. 2013. Сентябрь.

Статья поступила в редакцию 16.05.2024; одобрена после рецензирования 05.07.2024; принята к публикации 02.07.2024.

The article was submitted 16.05.2024; approved after reviewing 05.07.2024; accepted for publication 02.07.2024.